

Демидовы – без позолоты

(Окончание. Начало в № 54).

2. Прокофий

Наследниками огромной промышленной империи Акинфия Демидова стали его сыновья — Прокофий, Григорий и Никита. Причем, когда вскрыли духовное завещание, выяснилось, что большую часть наследства знаменитый горнозаводчик отказывал самому младшему — Никите, родившемуся от второго брака с Ефимией Ивановной Пальцовой 8 сентября 1724 года на берегу реки Чусовой, по пути Акинфия Никитовича с женой в Сибирь.

Прокофий и Григорий обратились с жалобой к императрице Елизавете Петровне, которая повелела сделать уравнильный раздел.

Увы, время подтвердило правильность выбора Акинфия Никитовича. Только самый младший продолжил его дело. Старший и средний выбрали другой жизненный путь.

Видимо, именно поэтому историки больше всего внимания и самые восторженные характеристики посвятили Никите Акинфиевичу и его потомству. Прокофий Акинфиевич выведен ими только как богатый благотворитель со странностями. Между тем, получив свою часть наследства, этот Демидов в течение двадцати четырех лет руководил своими уральскими заводами, приобщал к делу и сыновей — Акакия и Льва. Кстати, в поколенной росписи рода Демидовых, составленной известным тульским краеведом И. Афремовым, о детях и внуках Прокофия Акинфиевича почему-то ничего не говорится.

Прокофия Демидова осуждают за продажу заводов. А ведь это — загадка, до сих пор не разгаданная. Считается, что всему виной странности его характера. Мол, обиделся на сыновей и под влиянием сильного душевного порыва спустил всю недвижимость.

Но познакомившись поближе с воспоминаниями о старшем сыне Акинфия и внуке Никиты, прочитав его письма, убеждаешься — Прокофий был не так-то прост.

Наиболее вероятной причиной, подтолкнувшей к непростому решению — продаже уральских заводов, стали, как мне кажется, участвовавшие народные бунты.

Еще в январе 1763 года Прокофий Акинфиевич давал указания сыновьям, находящимся в Невьянске: «Пишете, что работные люди, взирая на соседних приписных крестьян, от работ отказались. О том я жалею, и хоша они совсем работать не станут, в том их не принуждать, а как они проживутся, тогда работать охотно станут. Да от всемилостивейшей Государыни для противников послан генерал... и вам его превосходительство просить, чтоб с ними, ежели возможно, до разорения не доводить, разве от них какая будут безчеловечности, в таком случае просить защищения... Ежели работные люди стакаются, то от них заводчиков требовать, а ежели не дадут, то что же делать! В таком случае воля милостивой Государыни и как изволит генерал: с чем он от Ея Величества послан, то с ними и учинить. Правда, нам остановка и ущерб в народе быть может...».

Бунт был подавлен, но и впоследствии не раз приходилось прибегать к помощи войск.

Раздражала Прокофия Акинфиевича, конечно, и неспособность сыновей управлять огромным и беспокойным хозяйством. В 1769 году Демидов продал заводы Савве Яковлевичу Яковлеву — известному богачу, сколотившему состояние на рыбном промысле. И, как кажется, сделка эта до конца жизни мучила его. Во всяком случае, в доверительных письмах к зятю Марку Ивановичу Хозикову (1726-1810) Прокофий Акинфиевич всегда упоминает Савву Яковлева в числе первых обидчиков, обманувших его:

«Мне, отчаянному человеку, очень грустно... Слышу всякое посмеяние, да и практикою вижу. Савва Яковлевич, да Александр Игнатьевич Сахаров, да Василий Иванович Баженов, да из купцов человека четыре такие же обидчики».

Это из письма, написанного за несколько лет до смерти.

С Саввой Яковлевым, думаю, все ясно. Купив заводы, он начал получать многомиллионную прибыль. После подавления пугачевского восстания предприятия работали бесперебойно.

А чем насолили Демидову некие Сахаров и Баженов?

Камердинер императрицы Александр Игнатъевич Сахаров купил у Прокофия Акинфиевича деревню за 145 тысяч в долг, но долга не заплатил, а покупку свою продал. Чтобы вернуть деньги, Демидову пришлось подключать весьма влиятельных покровителей.

Архитектор, основатель русского классицизма Василий Иванович Баженов тоже был должен Прокофию Акинфиевичу солидную сумму и не отдавал. Демидов жаловался в письме к М. И. Хозикову:

«Господин Баженов отправился к его превосходительству господину Безбородке на меня жаловаться, что я свои деньги требую. Да ему здесь же помогает и градодержатель, называет его государственным разумным человеком. Я не нахожу, кроме его дураческого ума. Невзирая на законы, на совесть, бранит меня во всех домах, сколько вздумает. И его вексель в призрение отдать я намерен... и жена Баженова вексель в платежах подписала. И что делать? Все наместники боятся господина Баженова, который угрожает государственной милостью и данною ему от Академии художеств привилегиею. Будто для того дана, чтобы он грабил и обманывал!».

Отойдя от горнозаводских дел, Прокофий Акинфиевич много сил и времени стал отдавать благотворительности. Для учреждавшегося в Москве «распоряжением императрицы Екатерины II» воспитательного дома он пожертвовал 1 миллион 107 тысяч рублей серебром, в том числе 250 тысяч на основание при этом заведении коммерческого училища для ста мальчиков «из купеческого звания».

На учреждение при Санкт-Петербургском воспитательном доме госпиталя для бедных рожениц внес 20 тысяч рублей серебром и еще столько же — на строительство Московского университета.

Еще 5 тысяч передал в главное Московское народное училище.

Вернувшись из-за границы, Прокофий Демидов первым подал правительству мысль об организации ссудной казны и всячески содействовал практическому осуществлению этой идеи.

Исключительно за активную общественную деятельность, бескорыстную помощь государству Прокофий Акинфиевич, не имевший никакого чина, был сразу пожалован в действительные статские советники, что соответствовало четвертому классу «Табели о рангах» и воинскому званию генерал-майора.

Все свободное время «его превосходительство» (так П. А. Демидов мог уже именоваться) занимался разведением экзотических растений и певчих птиц. Кроме того, слыл большим знатоком пчел и даже написал книгу о пчеловодстве.

О так называемых «странностях» Прокофия Акинфиевича ходило много преданий. Рассказывали, например, что, когда Демидов был в Англии, тамошние промышленники вынудили его приобрести товары по завышенным ценам. Вернувшись на родину и зная, что англичане собираются приехать за крупной партией пеньки, Прокофий Акинфиевич скупил весь товар и даже тот, который еще только-только ожидался. Разумеется, англичанам пришлось обращаться с предложениями к Демидову, а тот потребовал цену, вдесятеро превышающую обычную. Купцы уехали ни с чем. Но через некоторое время приехали новые скупщики, уже готовые заплатить названную Демидовым цену, а Прокофий Акинфиевич удвоил ее. Для здравомыслящих дельцов России это показалось более чем странным...

Или другая причуда, о чем любили посплетничать в узком кругу. Демидов заключал пари с любым, кто согласен за несколько тысяч рублей пролежать у него в доме на спине целый год, не вставая с кровати. Проигравших били розгами.

Но особенно шокировала свет такая «странность». Как уже говорилось, Прокофий Акинфиевич очень любил разводить растения, присылаемые ему из разных стран. Круглый год в демидовском ботаническом саду благоухали диковинные цветы. И вот дамы из общества приохотились рвать их. Отказать, естественно, не было никакой возможности. И тогда Прокофий Акинфиевич придумал «шутку». Он поставил на аллеях зимнего сада вместо статуй голых мужиков. Графинь и баронесс как ветром сдуло.

Но это все легенды о Демидове. Из документов же, дошедших до нас, известны только три его прегрешения.

8 июля 1767 года к Прокофию Акинфиевичу явился солдат, который поздравил его от всей роты с днем рождения. Растроганный Демидов дал на команду двадцать рублей, которые в тот же день солдатами были пропиты. За спаивание по указу правительствующего Сената с Прокофия Акинфиевича взыскали двести рублей.

12 октября того же года генерал-аншеф, сенатор и кавалер Николай Иванович Чичерин повелел оштрафовать Демидова на пятьдесят рублей за нарушение паспортного режима. Как явствует из доклада главной полицмейстерской канцелярии, Прокофий Акинфиевич содержал в своем доме в Новороссийской губернии купца Леей Вульфа, не объявляя в полицию его паспорта.

А о третьем из известных прегрешений П. А. Демидова в документах изложено так:

«В 1768 году, в июле месяце, по челобитью двоюродного брата его Никиты Демидова за сочиненное им, Прокофием, письмо, которое признано за пасквиль и по докладу господина генерала-аншефа, сенатора и генерала-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, а по всевысочайшей Ея Императорского Величества конфирмации, то письмо на болоте с барабанным боем под виселицею через палача сожжено, а он, Демидов, в Московской полиции пред присутствием у того брата своего прощения просил».

Можно только догадываться, что накатал братцу Прокофий Акинфиевич! На язык он был востер. Даже некоторым дамам в письмах позволял себе вставлять нецензурные словечки.

Единственно, с кем он был постоянно нежен, так это с дочерью Анастасией, вышедшей замуж за Марка Ивановича Хозикова — секретаря И. И. Бецкого, президента императорской Академии художеств и «старинного друга матери императрицы Екатерины II».

Сведения о контактах Прокофия Акинфиевича с сыновьями в «Историческом обозрении...» И. Афремова и приведенной там поколенной росписи рода Демидовых отсутствуют.

Между тем у П. А. Демидова еще при жизни имелись внуки. Один из них, от среднего сына Льва — Василий Львович,— стал блестящим офицером, флота капитан-лейтенантом.

Уже после смерти деда, в 1788 году, Василий Демидов на фрегате «Мстиславец» под командой адмирала Грейга участвовал в знаменитом Гогландском сражении со шведской эскадрой. В 1789 году был переведен на Черноморский флот под команду флотоводца Сенявина. А в 1791 году под командой адмирала Ушакова на корабле «Иосиф II» участвовал в сражении с турецким флотом.

Позже, уже когда Василий Львович ушел в отставку, в нем проявились некоторые черты деда. Владея более чем тысячей душ, Василий Демидов выделил капитал для выкупа крестьянами своих наделов. До самой смерти занимался он общественными делами уезда и совершенствованием сельского хозяйства.

Прокофий Акинфиевич Демидов скончался в Москве 4 ноября 1786 года, где и похоронен с почетом. Даже этим фактом он как бы подчеркнул, что не оправдал надежд отца и деда и недостоин быть погребенным в семейном некрополе.

Константин ШЕСТАКОВ.